

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ ПРОФЕССОРА ЛЬВА АЛЕКСАНДРОВИЧА ТАРАСЕВИЧА

Ульянкина Т.И.

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, г. Москва

Резюме: статья посвящена малоизвестным фактам гибели в июне 1927 г. выдающегося Российского и советского ученого Л.А. Тарасевича, намеренно скрытым от научной общественности в РСФСР. Эти важные факты – необходимый элемент для создания расширенной биографии ученого

Ключевые слова: история медицины, Русское зарубежье, Наркомздрав РСФСР, Государственный контрольный институт сывороток и вакцин

About a life and a death of professor Lev Aleksandrovich Tarasevich

Ulyankina T.I.

Summary: the article is devoted to the little-known facts of L.A. Tarasevich's tragic death in June, 1927 - the outstanding Russian and Soviet scientist, intentionally hidden from scientific community in Soviet Russia. These important facts – the necessary elements for creation of the expanded scientific biography

Keywords: the history of medicine, Russian Abroad, Narkomzdrav, The State Control Institute of vaccines and serums

События октября 1917 г. и последовавший затем «красный террор» драматически изменили социальный и экономический статус российской интеллигенции - большая ее часть оказалась на грани нищеты, голода, потери работы, духовного и физического истощения, другая – попала под репрессии, аресты, расстрелы, тюремное заключение. Ученых, не выдержавших «нравственной асфиксии» нового общества, и ушедшей в эмиграцию, было достаточно много - в общей сложности, шестая часть от всей дореволюционной

научной интеллигенции. Большая часть интеллигенции от неприятия режима постепенно перешла к оправданию его, поверив в большевиков как строителей нового общества - пусть и идущих к своей цели жесткими и жестокими методами насилия и принуждения. Некоторые из них расплатились за свой выбор жизнью, тюрьмой, лагерем или шарашкой, либо многолетним страхом и унижительным молчанием, отстаивая позицию невмешательства в политическую и общественную жизнь страны как гарантию сохранения «общечеловеческих» ценностей.

В июне 1927 г., в одном из эмигрантских изданий появилось сообщение о том, что под Дрезденом, в «Санатории д-ра Ламана», в возрасте 59 лет, покончил собой русский ученый с мировым именем, патолог, иммунолог, микробиолог и эпидемиолог, академик Всеукраинской академии наук Лев Александрович Тарасевич (2/14 февраля 1868, г. Тирасполь Херсонской губернии, Российская империя — 12 июня 1927, близ Дрездена, Саксония). Его смерть была мучительной: он сорвался из петли, сделанной из носовых платков, и прикрепленной к решетке балкона. Упав вниз с 10-метровой высоты и переломав четыре ребра, он не потерял сознания: сам дошел до своей комнаты, поддерживаемый врачом, медсестрой и сыном. Но через сутки умер от кровоизлияния в легкое. В Германии тело Л.А. Тарасевича было предано кремации и 20 июня отправлено из Дрездена в Москву через Берлин. На вокзале в Берлине урну с прахом ученого встречали: нарком Н.А. Семашко, профессор Н.К. Кольцов и академик П.П. Лазарев. Затем урна была захоронена на старом Новодевичьем кладбище.

В Советской России самоубийство Л.А. Тарасевича преднамеренно и тщательно скрывалось. Настолько, что проверив большое количество некрологов на смерть Л.А. Тарасевича, опубликованных практически во всех советских медицинских изданиях, мне не удалось найти в них ни единого намека на обстоятельства гибели ученого. За исключением

некролога Д.Д. Плетнева, где автор многозначительно упоминал цитату известного философа о том, что нельзя построить прочного дома на лжи [1]. В эмиграции русские умышленно обошли смерть Л.А. Тарасевича как смерть ученого, сознательно принявшего и поддержавшего советский строй. В числе немногих, если не единственная, кто искренне и с любовью отозвался на смерть этого прекрасного человека и ученого была Екатерина Дмитриевна Кускова (1869-1958)-известная в дореволюционной России и в эмиграции журналист и общественный деятель, высланная из Советской России осенью 1922 г. на одном из «философских пароходов».

Соккрытие факта самоубийства Л.А. Тарасевича, как и убийство накануне (9 июня 1927 г.) князя Павла Дмитриевича Долгорукова (1866—1927), участника Союза Освобождения, Екатерина Дмитриевна Кускова назвала «страшным символом одного и того же порядка вещей, почти нечеловеческой уродливости русской жизни», точно поставив диагноз болезни тем, кто этим сокрытием занимался — «патологический страх перед народом».

Л.А. Тарасевич был слишком крупной фигурой и в России и на Западе. Он был выдающимся организатором здравоохранения и медицинской науки, председателем Ученого Медицинского Совета при Наркомздраве РСФСР, директором Государственного института народного здравоохранения им. Л. Пастера (ГИНЗ), объединявшего специализированные научные учреждения Наркомздрава РСФСР, в том числе Государственный контрольный институт сывороток и вакцин (ныне - Государственный научно-исследовательский институт стандартизации и контроля медицинских биологических препаратов им. Л. А. Тарасевича), руководителем Центральной сывороточно-вакцинозной комиссии (позднее – Комитет вакцин и сывороток, а также- Комитет медицинских иммунобиологических препаратов), заместителем наркома здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко. Для Л.А. Тарасевича были открыты двери многих учрежде-

ний на Западе, в том числе и Пастеровский институт в Париже, где он работал под руководством И.И. Мечникова. Он был нашим представителем в Лиге Наций, а также - в Международном Красном Кресте, председателем многих съездов врачей до и после революции, членом Лиги Спасения Детей в Москве и др. Ему много раз предлагали работу за рубежом, но он отказывался. И в какой-то степени его страшная смерть стала расплатой за его выбор.

Друзья Кусковой, видевшие Л.А. Тарасевича перед катастрофой, так описывали его состояние: «Приехал Лев Александрович к нам в Дрезден в ужасном душевном состоянии. По первому взгляду было ясно, что это – человек предельно и навсегда – замученный. Он не был сумасшедшим, но не был и просто душевно угнетенным и расстроенным. Нормальное сознание все время перемежалось впадениями в совершенную болезненность. Он утверждал, что все его близкие умерли и убиты им, что все кончится страшно. Характерною чертой его больного бреда было предельное самоуменьшение и самоуничужение. Он утверждал, что он был научным ничтожеством, что он сам не достоин того уважения и тех почестей, которыми пользовался всю жизнь. Его тяготил комфорт санатория; последние дни ему всюду представлялись ужасы и шпионы... Содержание его страхов было не вымышленным: оно было реальным ужасом жизни Советской России», - писала Е.Д. Кускова [2]. По ее воспоминаниям, Л.А. Тарасевич «верил в работу внутри России, работу нечеловечески трудную» [2]. На вопрос «Почему он не уехал из России?», он отвечал: « Я исследователь по профессии своей и хочу видеть свою жизнь не в чужой передаче и не в отдалении от нее. Затем у меня трое полувзрослых детей. Я не хочу, чтобы они были иностранцами. Пусть впитают в себя всю печаль, весь трагизм русской жизни: ведь им предстоит перестраивать ее. Я - стар, от много не могу отрешиться. Скажу прямо - я им не учитель. Они по-новому воспримут ее и по-новому будут реагировать на все. Я лишь старший их

помощник...Что же касается трудной работы с большевиками, работы изматывающей, подчас глубоко унижительной для нас интеллигентов, то ..Ведь от этой работы не может же убежать вся интеллигентская Россия. Эта работа, работа не саботажная, работа по совести и без компромиссов в ее конечной цели – наша обязанность, оставшихся тут...» [2].

За год до смерти, в 1926 г. Е.Д. Кускова обсуждала с Л.А. Тарасевичем болезненный и важный для эмиграции вопрос «возвращенства». Тогда он честно ответил ей, что « возвращение в Россию сейчас – подвиг, а не достижение спокойного берега...О массовом возвращении сейчас не может быть и речи» [2.].

Это была честная позиция честного человека, несшего свой крест по жизни, но не нашедшего в себе сил пройти этот путь до конца.

Литература.

1. Плетнев Д.Д., Лев Александрович Тарасевич / Труды II-го Всеукраинского съезда терапевтов (9—14 сентября 1927 г.) / Ред. В. Коган-Ясный. Одесса, 1928.
2. Кускова Е.Д. Л.А. Тарасевич (13 июня 1927) // Современные записки (Париж), 1927. Т. 37. — С. 401—406.

«ОТЕЦ РУССКОГО АКУШЕРСТВА» Н.М. МАКСИМОВИЧ - АМБОДИК И ПЕТЕРБУРСКИЙ ВОСПИТАЛЬНЫЙ ДОМ (1770–1797 гг.)

Фруменкова Т.Г.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Резюме: статья посвящена знаменитому врачу, первому российскому профессору-акушеру Н.М. Максимовичу-Амбодик (1744—1812),